

Небо едва брезжило рассветом. Двое применили двадцатичасовое сильное снотворное на тех, кто следовал за ними, отпустили прожорливую змейку, что попалась первой, подобрали уставший, непрерывно изрыгавший тушь копир и старую москитную сетку, а затем тихонько покинули объединенную до голых стеблей макушку холма Тысячи Огоньков.

Они вышли на постепенно оживавшую улицу, где в воздухе витал слабый аромат еды. Раньше в этот час весь городок насквозь пропитывался запахом тысяч огоньков, и уловить какие-либо другие ароматы было решительно невозможно.

Ван Синжань поначалу ничего не замечал: он был занят тем, что по пути разглядывал еще не открывшиеся цветочные магазины, с неугасающим азартом выискивая плоды побед прожорливой змейки. Цветы тысячи огоньков в лавках исчезли бесследно, не осталось даже единого листочка.

Шли они шли, как вдруг в животе у Ван Синжаня раздалось бурчание. Стоило столько времени вдыхать аппетитные запахи, как пробудился голод. К счастью, поблизости оказалась лавка с булочками. Ван Синжань принес парочку булочек и два стакана соевого молока, протянул одну порцию Лу Яню, откусил огромный кусок мягкой булочки с начинкой из фунчозы и блаженно вздохнул: — Мы ведь так давно не прогуливались вот так по улице за утренним завтраком, верно?

Лу Янь опустил взгляд на булочки в своей руке: одна с мясом, другая с пастой из красной фасоли.

В прошлый раз они вместе гуляли по улице с завтраком, когда еще учились в начальной школе. Они ходили в одну и ту же школу и каждый день отправлялись туда вместе. Лу Янь одинаково сильно любил и мясные булочки, и сладкие из фасоли, но продававшиеся тогда булочки были огромными, а его аппетита хватало лишь на одну, из-за чего каждое утро он мучился трудным выбором. Ван Синжань всегда терпеливо ждал его решения, уплетая свою булочку с фунчозой.

Однажды о его нерешительности узнал один болтун из их класса и стал расейвать слухи повсюду, высмеивая Лу Яня за изнеженность и мелочность. Лу Янь еще даже не успел разозлиться, как Ван Синжань прижал болтуна к земле и избил до неузнаваемости, превратив в свиную голову. Просидев несколько дней дома в заточении и размышляя над своим поведением, Ван Синжань и Лу Янь снова пошли в школу вместе.

Покупая завтрак, Ван Синжань попросил хозяина дать одну мясную булочку и одну с фасолевой пастой, соединил половину мясной и половину сладкой в одну целую булочку и сказал Лу Яню: — Больше тебе не придется ломать голову над тем, что выбрать. Так Ван Синжань несколько лет сопровождал Лу Яня, поедая чуждые его вкусам мясные булочки с фасолью.

Позже они поступили в разные средние школы, а по выходным Ван Синжань любил поспать подольше, из-за чего при встречах с Лу Янем они вечно пропускали завтрак. Аппетит Лу Яня тоже вырос, и он вполне мог осилить уже две булочки. С тех пор они больше никогда не

завтракали так вместе. Но Лу Янь навсегда запомнил ту булочку — наполовину сладкую, наполовину соленую, и лучезарную улыбку на лице Ван Синжана.

Лу Янь развернул упаковку, откусил кусочек теплой мясной булочки и, чуть отведя ее в сторону, заметил на белоснежной корочке жутковатое красное пятно — у него пошла носом кровь.

В ушах раздался испуганный возглас Ван Синжана, ноги Лу Яня подкосились. Чертова скверна полностью лишила его светлых эмоций от воспоминания о распаковке подарка, пробила поставленные им же самим преграды и протянула свои когтистые лапы к воспоминанию, которое он только что воскресил. В памяти полусладкая-полусоленая булочка медленно покрывалась крапинками черных пятен.

Когда Лу Янь снова пришел в себя, он лежал на матрасе без простыни, укрытый верхней одеждой Ван Синжана. Сам Ван Синжань сидел у его кровати на перевернутой спинкой вперед стене, закинув руки на спинку, и с телефона Лу Яня изучал какие-то материалы.

Используя собранную У Шуан информацию с телефона Лу Яня и сопоставив ее с вычисленными вчера вечером направлением движения древесного сока, Ван Синжань выделил одиннадцать подозрительных инцидентов. — Раньше я думал, что нам придется уничтожать цветы тысячи огоньков грубой силой, и тогда нас наверняка объявят в розыск по всему городу, поэтому я и хотел дожидаться, пока источник скверны сам нас отыщет. Теперь же никто не знает, что уничтожение цветов — дело наших рук, так что мы можем действовать на опережение! Я уже составил маршрут для визитов.

Услышав шевеление, Ван Синжань тут же поднял голову: — Ты очнулся.

— Сейчас на улице очень беспокойно, выходить нам пока точно не стоит. Ты, наверное, проголодался? Остывшие булочки невкусные, я купил саморазогревающийся хого, поешь, а я пока все расскажу. — Словно трудолюбивая пчелка, Ван Синжань не дал Лу Яню даже встать с постели и принялся суетиться, устраивая ему еду.

Ван Синжань продолжал бормотать, что исчезновение цветов тысячи огоньков задело чьи-то тайные интересы, и эти люди наверняка заподозрят их истинные цели, а возле самого источника скверны вполне могут устроить засаду, поджидая их, так что действовать нужно предельно осторожно.

Лу Янь достал черную шелковую ленту, обмотал ею запястье двадцать один раз и, завязав узел, потерял сознание. Ван Синжань подхватил оказавшееся выше него на голову тело Лу Яня. Они прижались друг к другу так близко, что Ван Синжань почувствовал, как температура тела Лу Яня стремительно падает, а сердцебиение и дыхание замедляются. Это были не симптомы скверны — артефакт, которым пользовался Лу Янь, калечил его собственное тело.

Лу Янь развязал черную ленту, обернутую вокруг запястья, и без осоклого удивления обнаружил на указательном пальце правой руки обручальное кольцо: — Где это мы? Лу Янь приподнялся

на кровати и заметил у её ножек несколько пустых коробок из-под портативных кислородных баллонов. Судя по адресу завода-изготовителя, они были импортными, а щели на дверях и окнах были наглухо заклеены скотчем.

Ван Синжань протянул руку, чтобы проверить лоб Лу Яня, и, почувствовав, что температура того постепенно нормализуется, с облегчением выдохнул:

— Эти два дня мы не скрывали лица, и сейчас на улице поднялся настоящий переполох. Я боялся, что в отелях нас легко выследят, поэтому стал искать через интернет квартиру в аренду. Риелторов привлекать не стали, а хозяин как раз уехал в командировку и вернется только через три дня.

Превозмогая душевную боль, Ван Синжань подхватил Лу Яня под руки и помог ему уйти с улицы, охваченной переполохом из-за того, что цветы Тысячи Светов пропали среди ночи самым загадочным образом.

Лу Янь прислонился к плечу Ван Синжана и шепнул ему на ухо:

— Не паникуй, я во всём разберусь. Сейчас мне нужно немного отдохнуть, так что дальше я полностью полагаюсь на тебя.

Ван Синжань поддерживал обмякшее тело Лу Яня, а у него самого от страха неконтролируемо стучали зубы. На самом деле он догадывался обо всём уже давно, просто гнал от себя эти мысли. Прошлой ночью настроение Ван Синжана упало донельзя, но он не чувствовал, будто у него отнимают положительные эмоции — всё дело было исключительно в потере очков. Он вовсе не был добычей заражения, ведь жертвой мог стать только Лу Янь.

Лу Янь пристально посмотрел на Ван Синжана.

Когда Ван Синжань не дрался, он всегда производил впечатление человека неторопливого, но из каждого правила бывают исключения: стоило ему испугаться, как его продуктивность взлетала до небес, и чем сильнее был страх, тем выше становилась эффективность.

Лу Янь был без сознания всего-то около часа, а Ван Синжань успел переделать столько дел — сразу становилось понятно, как сильно он испугался.

Заражение никак не влияло на Ван Синжана, он боялся лишь одного — потерять Лу Яня. Но даже испытав такой ужас, Ван Синжань упорно молчал и не просил его покинуть копию.

Всё потому, что Ван Синжань слишком хорошо его знал: Лу Янь ни за что не бросил бы его одного.

Вместо того чтобы тратить время на уговоры, которые всё равно ни к чему бы не привели, Ван Синжань пустил каждую секунду в дело, надеясь лишь поскорее завершить задание копии.

Лу Янь протянул руку к Ван Синжаню:

— Иди сюда.

— Чего тебе? — Ван Синжань украдкой покосился на Кольцо истинной любви на указательном пальце правой руки Лу Яня, завёл обе руки за спину и медленно, с неохотой переступил с ноги на ногу.

Лу Янь изначально планировал действовать постепенно, но Ван Синжань был до того мил, что о каком дальнейшем самообладании вообще могла идти речь. Он мягко коснулся ладонью затылка Ван Синжана, запустил пальцы в густые короткие волосы и, слегка надавив, притянул его к себе, соединив их губы.

Мягкое донельзя ощущение заскользило по губам. Ван Синжань растерянно хлопал глазами несколько секунд, прежде чем сообразил, что нужно оттолкнуть Лу Яня, но от долгого отсутствия отдыха у него совсем не осталось сил, к тому же он слишком сильно задержал дыхание. В итоге оттолкнуть не вышло, а вот Лу Янь легко перехронил инициативу и повалил его на кровать.

Ван Синжань оказался заперт между руками Лу Яня, в самом воздухе витал запах Лу Яня, а лицо его залилось ярким румянцем. Уперевшись руками в грудь Лу Яня, он попытался остановить второй поцелуй. Дикий стук сердца отдавался прямо в ладонях, и от этой вибрации у Ван Синжана разом ослабли руки:

— Лу Янь, ты совсем с ума сошел?!

— Я в своем уме, и ты нравишься мне уже очень давно.

Лу Янь не стал насаждать дальше, но и отступать не спешил. Он так и замер, уперевшись обеими руками по обе стороны от головы Ван Синжана, и жадно вглядывался в его рассерженное и смущенное лицо.

Ван Синжань, судя по всему, от усталости соображал уже плохо, раз задал вопрос, о котором пожалел в ту же секунду, как только он сорвался с губ:

— И когда же это я успел тебе понравиться?

— С первого взгляда.

— Ты что, маньяк? Сколько нам было лет, когда мы познакомились?

Три секунды молчания.

— Нет-нет-нет, сейчас совсем не время обсуждать это. Самое главное — задание копии.

Черт, до чего же у Лу Яня красивое лицо! Его нагло обворовали, в душе бушевали шок и стыд, но разозлиться по-настоящему он так и не смог.

— Я знаю, что ты не любишь мужчин. Я знаю, что поступаю неправильно. Но я лишился множества положительных эмоций.

Лу Янь снова стал медленно приближаться, уговаривая его тихим голосом:

— Ты не мог бы мне помочь?..

Слова Лу Яня утонули в новом поцелуе, когда их губы снова соприкоснулись.

Второй поцелуй, третий, один за другим — в этот момент Ван Синжань совсем потерял голову и был уже не в силах сопротивляться.

В тот самый момент, когда должно было произойти непоправимое, их спасла настойчивая дробь стука в дверь.

Стучали не в входную дверь, звук раздавался прямо от межкомнатной двери спальни. По ту сторону полотна раздался детский, еще совсем звонкий голосок:

— Откройте дверку.

Органы чувств Ван Синжана и Лу Яня были необычайно развиты, и даже несмотря на то, что секунду назад здесь разворачивались весьма бурные события, они не могли не заметить чужого появления в квартире вплоть до самого стука. Если прислушаться, снаружи отчетливо доносилось еще целых два дыхания.

— Инъин вместе с папой и мамой пришли пригласить вас в гости.

<http://bllate.org/book/22325/2338394>